

Глава 1

Человек обращается в прах, но грезы его бессмертны.

В области археологии это стало самым невероятным открытием за всю историю: сны способны привязываться к древним артефактам, сохраняясь в них на протяжении тысячелетий.

Стоило этой новости облететь мир, как человечество содрогнулось от изумления. Зарубежные ученые выдвинули гипотезу, согласно которой наше жизненное пространство разделено на семь измерений. То, к чему мы можем прикоснуться — лишь седьмое, низшее из них. Эти миры не разделены глухими стенами; они пересекаются, и в глубоком сне мы способны видеть отблески иных реальностей.

Впрочем, подобные догадки встречались еще в древних китайских трактатах. В «Шуй цзин чжу» другие измерения именовались общим термином — Пучина Снов. Это бездонное ложе океана, где вечно рождаются и покоятся Героические духи всех времен. Когда человек или любое живое существо умирает, их мечты не исчезают, а вливаются в этот бесконечный поток, ожидая часа, когда их позовет чей-то голос.

Предполагается, что первым в истории, чей зов достиг дна Пучины Снов, был Чжуан-цзы. Именно он воплотил в жизнь непостижимый, эпический миф о превращении человека в бабочку и о великой рыбе Куньпэн.

— Кто бы мог подумать, что тайна тысячелетий будет раскрыта только сегодня.

Шэнь Янь стоял на залитой светом международной трибуне, вдохновенно рассказывая о чуде, которое так долго ждало своего часа. В зале гремели рукоплескания ведущих ученых мира.

Шэнь Янь вежливо кивнул аудитории и поспешил покинуть сцену.

Во-первых, он не видел в своем докладе повода для гордости — он лишь заново пересказал открытия мудрецов древности.

Во-вторых, в этот день на родину должна была вернуться бесценная реликвия, долгое время находившаяся за границей, и он входил в состав сопровождающей группы.

Речь шла о бронзовом зеркале периода Сражающихся царств. Оно было создано в ту же эпоху, когда жил Чжуан-цзы — первый человек, дозвавшийся до обитателей Пучины Снов. Значимость этого артефакта трудно было переоценить; ходили слухи, что в его узорах скрыт ключ, способный отворить врата в иное измерение.

Последним владельцем реликвии был Дехэуа — столетний немец, ветеран Второй мировой, участвовавший в разграблении Юаньминьюаня. На закате лет он не раз заявлял, будто видит в

глубине зеркала старика, восседающего на огромной рыбе. Однако слова старика, страдавшего тяжелым посттравматическим синдромом, никто не принимал всерьез, списывая их на помутнение рассудка. Лишь перед самой смертью Дехэхуа, то ли раскаявшись в преступлениях молодости, то ли убоившись кары, написал покаянное письмо и завещал вернуть бронзовое зеркало законным владельцам.

Когда Шэнь Янь прибыл на место, артефакт уже был заперт в сейфе, окруженном плотным кольцом экспертов и вооруженной охраны. Пройдя проверку документов, Шэнь Янь присоединился к группе коллег. Атмосфера была наэлектризована, и лишь когда самолет благополучно оторвался от земли, напряжение начало спадать.

Самый старый профессор, не сдержав чувств, обратился к присутствующим:

— Коллеги, друзья... Эта миссия удалась лишь потому, что западные ученые все еще плавают на поверхности в изучении Пучины Снов. Они не знают нашей великой истории. Они увидели «старика на рыбе», но не поняли, что это святой мудрец, пронзающий измерения, чтобы вновь явиться миру.

Он обвел взглядом слушателей и продолжил:

— В исследовании Пучины Снов у нас есть неоспоримое преимущество. Предки оставили нам сокровищницу, равной которой нет. Каждый древний предмет хранит в себе законченный сон нашего народа. Опираясь на это наследие, я верю: мы станем первыми, кто подчинит себе тайны бытия. Наши медики уже синтезировали Р-источник, усиливающий работу эпифиза в тысячу раз. А ведь именно эпифиз — тот орган, что управляет снами. С его помощью мы сотрем границы между мирами и воочию увидим великих царей и героев прошлого.

Шэнь Янь слушал, и в его груди разгоралось пламя гордости. Восемьдесят три династии, четыреста восемь императоров, бесчисленное множество героев... Скоро их тени пересекутся с реальностью.

Внезапно самолет сильно трянуло. Не успели люди осознать происходящее, как корпус лайнера с оглушительным скрежетом разорвало. Воздушный поток колоссального давления мгновенно вышвырнул Шэнь Яня наружу.

Падая с огромной высоты, Шэнь Янь, теряя сознание, успел заметить, как разлетается на куски стальной сейф. Бронзовое зеркало внутри него лопнуло, и в каждом осколке вспыхнуло видение: вот древний старец верхом на быке пересекает заставу Ханьгу, вот богиня возносит камни, чтобы заделать прореху в небесах. Мелькнул беловолосый бессмертный в чертогах из яшмы, взмыл ввысь Куньпэн, и Огненная птица иссушила моря. Святой войны в одиночку явился на вражеский пир, а Великий тиран в решимости сжег свои корабли...

Затем наступила тьма.

***

Когда Шэнь Янь пришел в себя, реальность показалась ему дурным сном. Он не понимал, как выжил, упав с высоты в десять тысяч метров. Еще меньше он понимал, где находится.

Вокруг расстилалась выжженная пустошь. До самого горизонта тянулись пески, а землю уродовали гигантские полусферические воронки, делая пейзаж похожим на изрытую кратерами поверхность Луны. Шэнь Янь видел нечто подобное лишь на кадрах из мест, переживших ядерный взрыв. Здесь не росла даже трава.

Он оказался в странном отряде наемников. Его спас человек по имени Дун, которого все называли Стариной Дуном.

Старик проявил к Шэнь Яню необычайное радушие, и причина была прозаична: командиру их отряда требовался слуга. Личный помощник, который подавал бы чай, чистил обувь и — по замыслу Старины Дуна — помогал бы их предводителю справляться с излишками молодой энергии.

Старина Дун рассудил здраво: капитан должен полностью отдавать себя делу, а для прочих нужд вполне подойдет милovidный юноша. Тем более что остальные наемники в отряде были либо неотесанными громилами, либо имели столь невзрачную наружность, что на роль личного лакея не годились вовсе.

Шэнь Янь был другим: тонкие черты лица, черные, как смоль, волосы, хрупкое телосложение и светлая кожа. На фоне просоленных ветром, почерневших от солнца наемников он выглядел чужаком из иного, изысканного мира.

Шэнь Янь был настороже. Незнакомая земля, опасные люди... Но бросить этот отряд и уйти в никуда? Глупо. Совсем недавно они подверглись нападению, и он видел гору растерзанных трупов неизвестных существ. Законы этого мира были ему чужды. Археолог в нем понимал: за пределами этой стоянки смерть настигнет его еще быстрее.

Он мельком взглянул на груды гниющих останков неподалеку. Стоило радоваться хотя бы тому, что его спасители — люди.

— Рядом с нашим командиром тебе не придется рисковать шкурой в этой пустыне в одиночку, — убеждал его Дун. — У тебя всегда будет вода и еда.

Кто-то из наемников бесстыдно присвистнул. Эти люди, привыкшие ходить по краю лезвия, напоминали стаю голодных волков, для которых не существовало правил.

Шэнь Янь невольно перевел взгляд на мужчину, сидевшего впереди. Тот расположился на камне с властной небрежностью. Его звали Чжао Ко. Широкоплечий, с крепким станом и

рельефными мускулами, которые, казалось, вот-вот разорвут плотную ткань одежды, он излучал необузданную мужскую силу. Шэнь Яню стало не по себе. Глядя на эту внушительную фигуру, он подумал: «Неудивительно, что он не может найти слугу. Мало кто выдержит такую ауру».

Рядом с Чжао Ко резвились два призрачных зверя — белый тигр и желтый леопард. Они то исчезали в его длинной тени, то вновь возникали, играя друг с другом. Это окончательно убедило Шэнь Яня: он больше не в своем мире.

Чжао Ко заметил его взгляд и едва заметно усмехнулся. Юноша явно был ему по вкусу — после вечного созерцания грубых рож подчиненных, тонкая красота Шэнь Яня притягивала взор.

— Кончайте галдеть, — бросил Чжао Ко своим людям, хотя голос его звучал лениво. — До дома еще день пути. Лучше подумайте, хватит ли добычи, чтобы выменять достаточно зерна.

Шэнь Янь молчал, внимательно наблюдая за командиром. Смеркалось. В центре лагеря развели костер, и наемники потянулись к огню. Несмотря на их развязность, в группе чувствовалось единство, закаленное опасными приключениями в пустоши.

Шэнь Янь присмотрелся к шее Чжао Ко. На ней висели два кулона. Один представлял собой искусно вырезанную из камня фигурку тигра и леопарда, сплетенных вместе — точную копию зверей, игравших у ног воина. Профессиональный взгляд Шэнь Яня сразу определил: работа походила на анималистику из белого нефрита времен династии Хань.

Такой нефрит стоил целое состояние. Однако при неверном свете костра было трудно понять, настоящая ли это древность или искусная подделка. Вторым украшением была маленькая бронзовая подвеска в форме кинжала, но её детали тонули в тенях.

Немного успокоившись, Шэнь Янь почувствовал, как в нем просыпается профессиональное любопытство. Не выдержав, он произнес:

— Позвольте взглянуть на ваши кулоны?

Это был еще и способ отвлечься от навязчивого сводничества Старины Дуна, который продолжал расхваливать долю слуги.

Чжао Ко помедлил, а затем спросил с удивлением:

— Ты узнаешь этот Священный артефакт?

— Священный артефакт? — Шэнь Янь внутренне удивился странному термину.

Чжао Ко снял подвески и протянул их юноше. Шэнь Янь принял их, ощущая на металле и камне тепло чужого тела. Приблизившись к огню, он принялся за осмотр. В этот момент он заговорил — плавно, словно странствующий поэт, читающий древние баллады. История для него всегда была самой прекрасной песней.

— Судя по материалу и технике полировки, этот предмет относится к эпохе Мин или Цин, — начал он. — Говорят, что во времена Хань ценились погребальные фигурки, вэй и цзинь славились своими стелами, фарфор эпохи Тан не знал равных, а в династию Сун превыше всего ставили живопись и каллиграфию...

Он сделал паузу, любуясь деталями.

— Но в период Мин и Цин в народе стали необычайно популярны малые ремесленные формы и личные украшения.

Наемники переглянулись. О чем он вообще говорит?

Для них существовали лишь Священные артефакты, найденные в руинах. Способность призвать из них Героического духа была единственным залогом выживания. А история самих предметов давно канула в лету вместе с именами забытых эпох. Тем не менее, рассказ Шэнь Яня заморозил их, как старая легенда, в которой уже невозможно отличить правду от вымысла.

Шэнь Янь продолжал:

— Что касается этого бронзового кинжала, то его узор, вероятнее всего, посвящен классическому сюжету из «Стратегий Янь» — истории о том, как Цзин Кэ пытался сразить императора Цинь.

Шэнь Янь замолчал, поглаживая металл пальцами. Он никак не ожидал встретить в этом пугающем месте вещь из эпохи Мин.

— У этого рисунка есть своя история? — подал голос один из наемников.

Шэнь Янь замер. История о Цзин Кэ и кинжале, спрятанном в свитке, была в его мире известна каждому школьнику. Значит, предметы древности сохранились в этой глуши, но память о них была стерта?

Он любил рассказывать. В этих преданиях заключалась мудрость и величие исчезнувшей цивилизации.

— Все началось с древнего царства под названием Цинь... — начал он, и его голос поплыл над лагерьем, вторя пляшущим языкам пламени.

Для людей, не знавших истории, все эти имена — Цинь, Янь, Шесть царств — звучали как музыка сфер. Слова о войне, чьи волосы поднялись от гнева при расставании на реке Ишуй, казались им голосом самой вечности.

И в этот момент Чжао Ко, вновь надевший кулон на шею, резко вздрогнул. Из его груди внезапно вырвалась третья, призрачная рука, сжимающая острый кинжал.

Кинжал в конце свитка?

Весь мир знал: единственный путь к пробуждению силы Священного артефакта — долгое, изнурительное ношение. Годами, а иногда и десятилетиями люди проводили Ритуал «Лицом к Пучине», пытаясь докричаться до древних предков через бездну времен. Многие тратили на это всю жизнь, так и не получив ответа.

Этот артефакт был найден в руинах совсем недавно.

Почему же он пробудился сейчас? Так быстро и так неотвратно?

<http://bllate.org/book/13411/1274407>